

А. А. Быценко

Русские эмигранты в Бразилии и запрещенные книги

С конца XIX в., после провозглашения независимости от Португалии, создания Республики и отмены рабства Бразилия начала принимать огромное количество эмигрантов, в основном из Португалии, Италии, Испании, Германии, Японии, России и других стран мира. Их прибытие означало глубокие экономические, политические, общественные и культурные изменения в стране.

Прекрасно сознавая, что при подобном массовом наплыве людей из разных стран возникнет целый ряд проблем, правительство Бразилии старалось как можно тщательнее планировать и курировать этот процесс. Эмигрант должен был быть включен в проект национального созидания. В случае, если это по какой-то причине не удавалось сделать, приходил в действие имеющийся у бразильских властей арсенал средств, способных создать и усилить негативный образ какой-либо национальной группы.

Были введены такие понятия, как желательные и нежелательные эмигранты, т. е. те, которые могли въехать в страну, и те, кто не мог этого сделать. К желательным относились европейцы, арабы, японцы. Это должны были быть люди среднего класса с консервативными взглядами. Нежелательными являлись африканцы (их, по мнению правительства, и так было слишком много). Однако под влиянием различных политических и иных причин мнение по этому вопросу постоянно менялось, и народ, ранее считавшийся желательным, мог очень быстро превратиться в нежелательный, как случилось с немцами, итальянцами и японцами во время Второй мировой войны.

Въезд в Бразилию большого количества эмигрантов имел свои положительные и отрицательные моменты. Следует сказать, что еще в начале XX в. многие регионы Бразилии, даже не слишком удаленные от больших городов Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло, были совершенно дикими, их покрывал девственный лес, населенный многочисленными индейскими племенами, туда не ступала нога «ци-

вилизованного» человека. Таким образом, осваивая новые земли, эмигранты способствовали экономическому развитию страны. Кроме того, многие из вновь прибывших обладали специальными профессиональными знаниями, поэтому именно их труду и умению Бразилия обязана, например, появлению разветвленной сети железных дорог, сегодня, к сожалению, практически утраченной. На многих фабриках использовался труд эмигрантов.

Между тем, достаточная образованность и высокий культурный уровень делали эмигрантов опасными. Именно в этом скрывалась отрицательная, по мнению правительства Бразилии, сторона эмиграции. Управлять неграмотными людьми гораздо проще, чем теми, кто обладает знаниями и умеет думать.

В ходе исследования, проведенного в архиве DEOPS Политической полиции штата Сан-Пауло (Бразилия), просуществовавшего с 1924 по 1983 г., мы столкнулись с удивительным миром: миром запрещенных книг. Документы, обнаруженные в этом архиве, доказывают, что в течение почти всего XX в. не прекращался политический контроль со стороны государства за общественной и культурной жизнью страны.

Цензура как физическое и символическое насилие являлась частью политической программы в различные периоды бразильской истории. Всего лишь несколько лет назад власти старались создать некую иерархию дозволенных идей, подвергая ее каждодневному отбору с целью «очищения» общества.

Русская эмиграция в 1919–1930 гг. в Бразилию носила массовый характер.

По данным Музея иммиграции города Сан-Пауло, только в этом городе было около 10 тыс. русских. Они, как правило, имели специальное или высшее образование и были востребованы на рынке труда. По прибытии в страну, еще толком не зная португальского языка, большинство сразу находило работу по профессии в различных фирмах, в основном тех, которые занимались инженерными проектами.

А. А. Быценко

ми или освоением новых земель. Среди них были люди иногда совершенно полярных политических взглядов. Однако в основной массе это были ярые противники коммунизма, бывшие белогвардейцы, зажиточные крестьяне, люди интеллектуальных профессий и пр.

После революции 1917 г. эмигранты из России и Восточной Европы полагались одними из тех, кто привез в Южную Америку коммунистические идеи, считавшиеся крайне опасными.

В Бразилии вплоть до начала 1980-х гг. любой писатель, журналист, издатель, каждый человек, занимающийся распространением революционных идей, считался преступником и мог быть арестован, судим и наказан в соответствии с существующим законом. Книги или статьи, найденные при обыске, объявлялись «орудием политического преступления», превращаясь в материальное доказательство. Любой человек, пожелавший социальных изменений, отвергая тем самым установленные нормы, превращался в личность потенциально подозрительную и опасную. Таким образом, каждый, кто пытался совершить «революцию» устно или письменно, рисковал многим. Если он был эмигрантом, то мог быть арестован, судим и выслан из страны.

В период правления президента Жетулио Варгаса (1930–1945) поиск книг и других печатных изданий коммунистического содержания развернулся на территории всей Бразилии. Найденные подозрительные книги арестовывались, а иногда сжигались. Существуют совершенно невероятные примеры подобных «auto da fe», когда такая совершенно безобидная книга, как «Тарзан» Берроуза была арестована, потому что в ней использовалось слово «camarada» (товарищ), считавшееся обращением, принятым среди коммунистов.

После попытки революции в 1935 г. в Бразилии цензура еще более усилилась. Все арестованные материалы и документы подвергались тщательнейшей проверке со стороны Комитета по предупреждению коммунизма, работавшего вместе с политической полицией.

Страх перед коммунизмом способствовал тому, что в борьбе с ним использовались те же методы, что и Советском Союзе против империализма, только,

пожалуй, менее жестокие. Так же, как в СССР, в Бразилии был создан комплекс идей символизирующих врага («образ врага»).

В архиве DEOPS хранятся многочисленные документы, по которым можно составить представление о размахе развернувшейся в Бразилии борьбы с «красной заразой».

Политическая полиция бдительно следила за всей книжной торговлей. Так, например, в статье, опубликованной в октябре 1937 г. в газете «Diario da Noite» («Вечерний дневник»), было сделано предупреждение всем хозяевам типографий, издательств и книжных магазинов, что в случае, если они выставят на продажу книги Ленина, Сталина, Троцкого, Маркса и других «запрещенных русских авторов», у них будет изъята вся прибыль. Статья сопровождалась фотографией, на которой были изображены горы арестованных книг в одном из полицейских участков.

В 1950 г. инспектор полиции Антонио Рибейро де Анраде получил прошение дать разрешение на торговлю книгами от некоего Сергея Успенского (русского эмигранта, прибывшего в Бразилию в 1921 г. из Константинополя по соглашению, существовавшему между Бразилией и Францией о принятии беженцев, участвовавших в Первой мировой войне). Он получил бразильское гражданство в 1932 г. и жил в городе Сан-Пауло. В ответ инспектор отмечал: «У нас нет причин для возражений, по крайней мере, на сегодняшний день. Между тем, предлагаем проводить постоянные проверки всей деятельности этого книжного магазина. Взять обязательство с его хозяина о постоянной высылке нам списков выписанных и полученных им произведений, предупреждая таким образом приобретение книг коммунистического содержания».

Разрешение на книжную торговлю было дано С. Успенскому по нескольким причинам.

Во-первых, происхождение книг. Одна часть книг была привезена им из Франции и Аргентины, а другая первоначально принадлежала Шанхайской библиотеке Ассоциации бывших офицеров Русской императорской армии и была куплена у одного, по-видимому, русского белоэмигранта. Факт этот представлял собой

Русские эмигранты в Бразилии и запрещенные книги

серьезную гарантию в отношении политической настроенности ее бывших и настоящих владельцев и благонадежности содержания самой библиотеки.

Во-вторых, это были книги, изданные еще до Первой мировой войны. Среди них имелись романы и повести русских, немецких, французских и английских авторов, особенное внимание уделялось книгам, подходящим для молодежи, приключенческой литературе, русским и иностранным классикам, не имевшим никакого отношения к коммунизму.

В-третьих, в июне 1950 г. Успенский получил большую партию книг, содержащих произведения Б. Зайцева, И. Шмелева, А. Аверченко, М. Алданова, А. Ремизова и др. Из Буенос-Айреса пришли книги А. Чехова, И. Тургенева, Ф. Достоевского и альбомы русской старинной одежды. Успенский сразу выслал в политическую полицию подробнейший список всех произведений.

Совершенно иначе выглядело дело некоего Исаака Юровского, тоже русского эмигранта, который прибыл из СССР и был фармацевтом по профессии. В начале 1930-х гг. полиция обнаружила что, «в доме принадлежащем Гершу Канеру, работала библиотека, составленная из книг привезенных из Советского Союза Исааком Юровским, сторонником советского режима». Этих данных оказалось достаточно, чтобы полиция арестовала все книги. Сведений о дальнейшей судьбе И. Юровского установить не удалось.

Не только эмигранты занимались коммунистической пропагандой. В 1949 г. инспектор Главного архива Издательства «Pan America» из Буенос-Айреса составил список наименований различных бразильских научных периодических изданий с адресами получателей из Москвы и Ленинграда. Предполагалось существование закамouflированного обмена между двумя странами, когда в СССР отправлялись бразильские научные издания, а в обмен посылалась запрещенная в Бразилии литература.

Анализ полицейских документов и самих конфискованных произведений (включая книги, журналы, газеты, памфлеты, брошюры и пр.) дает представление о том, что именно считалось опасным. Во время обысков полиция направляла свое внимание прежде всего на обложки книг,

содержавших определенный набор символов: серп и молот, разорванные цепи, порабощение рабочего, семена и сбор урожая, массовые протесты, зажженный факел и пр. Если книга была на иностранном языке, то, будь она совершенно невинным произведением русского классика, она все равно арестовывалась вместе со всеми. Судить о содержании в подобном случае они могли либо по политическим взглядам ее хозяина, либо по обложке и иллюстрациям, и если в них находилось хоть одно из перечисленных выше символических изображений, книга считалась опасной.

Вся литература на русском языке, все книги, в которых упоминалась Россия или Советский Союз, не говоря уж о коммунизме и социализме, изымались. При аресте полицией составлялся подробнейший список всех арестованных произведений.

В 1934 г. в небольшом городе Жундиаи неподалеку от Сан-Пауло был арестован каталог книг под названием «A Sementeira» (Сеятельница), рекомендовавший разнообразные научно-популярные книги, литературные произведения и пр. Среди прочих «A Sementeira» предлагала к чтению произведения русских классиков: «Игрок» Ф. Достоевского, «Шпион» М. Горького, «Отцы и дети» И. Тургенева, а также произведения на тему кооперации, антиклерикализма и анархизма.

Хранить в своем доме книги или списки книг, опубликованные издательством, находящимся под подозрением у DEOPS, было опасным. Так, дело семнадцатилетней эмигрантки из Румынии, впервые вызвавшее сочувствие и общественное вмешательство, очень характерно для этой эпохи.

Дженни Глейзер была арестована по частному доносу. Среди конфискованных у нее 12 книг были «A Questao Judaica, Questao Social» («Еврейский вопрос, социальный вопрос») Жозе Переса, произведения Н. Бухарина, Д. Рязанова, «10 дней, которые потрясли мир» Дж. Рида, «Записки из подполья» Ф. Достоевского, охарактеризованные как подрывные. В подписанном группой интеллектуалов и студентов письме, посланном в полицию, говорилось о необходимости защиты гражданских прав девушки. Тем не менее, она была депортирована из Бразилии в 1935 г. по обвинению в коммунизме.

А. А. Быценко

Существовавшие в этот период законы запрещали издание и распространение печатных изданий на любом языке, кроме португальского, даже говорить на любом ином языке в публичных местах было запрещено.

В подобных условиях русские клубы, монархические общества и любые другие русские организации находились под пристальным вниманием полиции. Малейшее движение, издание какой бы то ни было книги, газеты или журнала тщательно проверялось. Быть эмигрантом не просто, а русским эмигрантам – возможно, еще сложнее. Даже в такой терпимой во всех областях жизни стране, как Бразилия, русские эмигранты рассматривались государством как подозрительные элементы просто потому, что они были русскими.

Источники:

Архив штата Сан Пауло (DEOPS):

- Папка № 128 Girch Feldmanas.
- Папка № 209 Genny Gleizer.
- Папка № 553 Associação dos amigos da Rússia.
- Папка № 581 Delegacia de Policia de Jundiaí.
- Папка № 831 Editorial Merenglen.
- Папка № 909 Alexandre Wainstein.
- Папка № 1169 Sergio Uspensky.
- Папка № 1914 Centro de Cultura Social.
- Папка № 100106 Editora Pan Americana.